

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО КИЕВСКОЙ РУСИ

Статья посвящена проблеме административного устройства Киевской Руси. На основе письменных и археологических источников автор предлагает своё видение её решения. Административное устройство Руси рассматривается сквозь призму развития цивилизации. Основная идея – Русская земля была организована в привычных для населения восточной Европы формах, повторяя устройство племени.

Ключевые слова: Киевская Русь, цивилизация, древнерусский город, старшие города, пригороды, племя, род, фратрия, принудительный синойклизм, городская община, материнская община.

Административно-территориальное устройство Киевской Руси – один из самых сложных вопросов нашей истории. В русской историографии развитие древнерусского государства принято разделять на два этапа. Рубежом между ними считают «ряд Ярослава» (1054 г.), Любечский съезд (1097 г.) или смерть Мстислава Владимировича (1132 г.). Первый этап, как правило, считают временем единства Руси, а второй – раздробленности. Н. М. Карамзин представлял Русь единым княжеством – собственностью великого князя, который раздавал города и волости в управление своим приближённым. Сразу после смерти Ярослава Мудрого в 1054 году историограф начинал удельную эпоху. По его мнению, Ярослав разделил Русь на четыре части, а затем «в течение времени каждая из оных разделилась еще на особенные уделы» [1, с. 464]. В. О. Ключевский считал, что Русская земля после распада представляла собой своего рода генеалогическую федерацию – союз областей через князей. В ней действовали связи, соединявшие эти части в одно целое; только эти связи были не политические, а племенные, экономические, социальные и церковно-нравственные» [2, с. 175–176]. Близкую точку зрения высказывал С. Ф. Платонов: «...Точнее всего будет определить Киевскую Русь как совокупность многих княжеств, объединенных одною династией, единством религии, племени, языка и народного самосознания» [3, с. 106–107]. Часть исследователей представляют административно-территориальное развитие Руси в рамках единого древнерусского этапа, продолжавшегося от начала государства до монгольского нашествия. С. М. Соловьёв на протяжении всего

этого периода видел Русь княжеством, принадлежавшем роду Рюриковичей, и одновременно механической суммой городских волостей, связанных между собой княжеским родом. По мнению Н. И. Костомарова, каждое из восточнославянских племен («народцев» по его терминологии) с древнейших времен составляло особое политическое образование – землю. Руководили этими землями князья, но высшая власть принадлежала вечу – общему собранию. Первое время Русь представляла собой «скученность» народцев, обязанных платить Киеву дань. Полноценному объединению восточных славян, по его мнению, способствовало принятие христианства. М. Н. Покровский полагал, что киевские князья никогда не устраняли самостоятельности земель, которыми владели, ни при Олеге, ни при Мономахе. По его мнению, «федеративный» и «республиканский» характер древнерусского государства «на самых ранних из известных нам ступенях его развития устанавливается... вполне определенно» [4, с. 75–76]. Советские исследователи в массе своей изображали Русь X–XI веков раннефеодальным княжеством-монархией, а XII–XIII столетий – множеством мелких феодальных княжеств, враждовавших между собой [5, с. 163]. И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко результатом распада Руси видят не феодальные княжества, а города-государства.

Такой разнотой в оценках киевского периода нашей истории не случаен. Восходит он к основному противоречию, которое мы можем наблюдать в разнохарактерных источниках. Так, русский фольклор не знает периода раздробленности. В былинах Русь всегда едина. «Воспринимая страну и государство как еди-

ное и неделимое целое, – пишет В. Г. Мирзоев, – былины символом каждого политического, культурного и семейного ... начала устанавливают Киев, а в Киеве – совет (пир) у князя Владимира» [6, с. 5]. Точно такая же картина наблюдается в «Слове о полку Игореве», созданном в эпоху, воспринимаемую обычно как апогей раздробленности. Русская земля здесь – эмоциональный центр произведения. Киев и киевский князь Святослав занимают одно из центральных мест. Между тем, Новгород-Северский – столица Игоря (главного героя поэмы) упомянут лишь один раз. Главной идеей «Слова о полку Игореве» часто называют «призыв к единству Руси». В действительности – единство Руси для автора «Слова» – объективная реальность, он видит Русь единой, а не призывает к нему. Сознание единства Руси можно обнаружить и в других произведениях древнерусской литературы. Например, «Слово о погибели Русской земли» рисует образ прекрасной и обширной страны в канун или во время монгольского нашествия: «О светло светлая и украсно украшена земля Русская! И многими красотами удивлена еси: озера многими, удивлена еси реками и кладязми месточестными, горами крутыми, холми высокими, дубровами частыми, полями дивными, зверьми разноличными, птицами бесчисленными, города великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными и князми грозными, бояры честными, вельможами многими – всего еси исполнена земля Русская...» [7, с. 326]. Далее автор как бы окидывает взором её границы, перечисляя народы, окружающие Русь: угры, ляхи, чехи, ятвяги, литва, немцы, корела, болгары, буртасы, черемисы, мордва. Если перевести этот перечень с этнографического на географический язык, описанные автором «Слова» границы Руси пройдут от Днестра, Прута и Вислы через Неман и Западную Двину к Финскому заливу, оттуда к Белому морю, а затем вниз к Волге. Иначе говоря, Русь автора «Слова», и в XIII столетии, как во времена Владимира Мономаха – огромная единая держава.

В русских летописях, наоборот, на первый план выходит вражда князей Рюрикова Дома, которая начинается буквально со времени формирования Киевской Руси (X в.). Ярополк Святославич идёт войной на родного брата Олега, Владимир убивает Ярополка, Святополк –

Святослава, Бориса и Глеба, Ярослав отправляет в изгнание Святополка, Святослав выгоняет из Киева своего старшего брата Изяслава и так далее – список можно было бы продолжить. В XII веке борьба князей становится ещё более ожесточённой, а ситуация запутанной. В. О. Ключевский писал об этом времени, как о периоде, из которого выносим хаотическое впечатление [2, с. 176]. Каждая родовая волость живёт обособленно, стремится обзавестись своим собственным князем, не прочь при случае поучаствовать в походе на Киев, который в летописных статьях XII–XIII веков нередко отождествляется с Русью. Суздальский книжник пишет: «...Поиде Гюрги с сынами своими и с Ростовци и с Суждальци и с Рязанци и со князи Рязаньскими и **в Русь поиде к Киеву...**» [8, стб. 338]. Ему вторит новгородский летописец: «В лето 6709. Новгородци богомъ избраньнаго Митрофана въведоша въ архиепископълии дворъ ... и **иде в Русь** ставится к митрополиту с новгородчкыми мужи...» [9, с. 239].

Почему в народном сознании Русь была единой, а в погодных записях событий кажется раздробленной? Ключом к разгадке может послужить текст «Повести временных лет», описывающий возмущение князей после ослепления Василька в 1097 году. Летописец передаёт слова Олега и Давида Святославичей: «яко сего не было в **роде нашемъ**» [10, стб. 236]. Речь Владимира Мономаха, сказанная тогда же, звучит несколько иначе: «сего не было есть **оу Руськой земли** ни при дедехъ наших ни при о[т]цихъ нашихъ...» [10, стб. 236]. Очевидно, то, что названо «родом» в первом случае, во втором именуется «Русской землёй». Нечто подобное видим в диалоге Изяслава Мстиславича и Ростислава Юрьевича, стоящего в летописи под 1148 годом. Ростислав – Изяславу: «...зане ты еси старей нас Володимерехъ вноуцехъ а **за Руською землю** хочю страдати и подле тебе ездити» [10, стб. 367]. Изяслав – Ростиславу: «...а мне даи б[о]гъ вас братю свою всю имети и **весь родъ** свои въ правдоу» [10, стб. 367].

Как видно в обоих случаях Русь выступает в значении «**рода-племени**». В этом, по всей видимости, и заключается источник единого самосознания древних русичей и смысл административного деления Киевской империи. Русская земля была организована в привычных

для населения восточной Европы формах – она повторяла устройство племени. Племя, как известно, состоит из родовых общин, связанных между собой кровными узами, в зависимости от характера общины – патриархальными или матриархальными. Среди них обязательно есть *материнская община* – та, от которой пошли все остальные. Между родовой общиной и племенем иногда возникает промежуточное звено – фратрия (братство). Бывает это не всегда и не у всех племён, а только у крупных. По своему происхождению фратрии – это те первоначальные роды, на которые распался материнский род. Общины, которые входят в одну фратрию, считают себя братскими, а общины других фратрий – двоюродными [11, с. 100–106]. Ф. Энгельс, ссылаясь на Льюиса Моргана, который 40 лет жил среди индейцев Америки и был усыновлён ирокезами, пишет, что каждое племя обладало собственной территорией, именем, особым диалектом, правом вводить в должность избранных родами сахемов и вождей, правом смещать их, собственным религиозным культом. Для обсуждения общих дел существовал совет племени. Однако как единое целое племя проявляло себя крайне редко. Чаще всего это случалось во время войны или общих религиозных праздников [12, с. 362].

Структура Киевской Руси в точности воспроизводит описанную выше схему: материнская община Киева – дочерние общины стольных городов – общины младших городов (дочерние общины старших городов) – один на всех княжеский род. Только в основе этой схемы была не родовая, а *городская община*.

То, что ядром социально-политической и социально-экономической организации Киева (как и других городов) была городская (земле-владельческая) община писалось многими и не раз [13, с. 234]. Внешне Киев выглядит как типичный полис. Структура города выстраивалась вокруг мощных укреплений детинцев Владимира и Ярослава, располагавшихся на крутом берегу Днепра. «Почти в центре последнего размещалась площадь с огромным Софийским собором и митрополичьим двором – местом вечевых собраний киевлян». В основе уличной планировки были сквозные магистрали, шедшие вдоль и перпендикулярно Днепру. Они связывали воедино три главных общественно-политических и экономических центра города: вечевую площадь, княжеский двор и торг с га-

ванью [14, с. 61]. На вече в Киеве решались все важнейшие вопросы внутренней жизни, что однозначно характеризует город как общину. По летописи в Киеве известно более 30 вечевых собраний. Примером правильного вечевого собрания в Киеве может послужить сход, состоявшийся в 1147 году на площади у Святой Софии. «Рассказ летописца о вече 1147 года, – отмечает И. Я. Фроянов, – замечателен ещё и тем, что воспроизводит порядок ведения вечевых собраний» [15, с. 647]. «...И придоша Кьянь много множество народа и седоша у святое Софьи ... рекоша Кьяне молвита с чимь вас князь прислал» [8, стб. 316]. Как следует из летописи, руководят совещанием князь, митрополит и тысяцкий. Послы по очереди приветствуют митрополита, тысяцкого и «кьян». Только потом их спрашивают, зачем они пришли и чего хотят. Все эти детали свидетельствуют о том, что вечевая практика в Киеве была постоянной и длительной. Киевляне решали судьбу княжеского стола, ссылались с князьями, убивали неугодных, грабили дворы противников, клялись, встречали, утверждали князя, ходили в походы по призыву князей, обороняли город, пировали у князя во дворе. В качестве городов, где проходили вечевые собрания, упоминаются также Новгород, Смоленск, Чернигов, Галич, Владимир, Суздаль, Звенигород, Вышгород, Полоцк и другие [13, с. 189].

Киев назван «*матерью городов русских*» в первых погодных статьях «Повести временных лет». Здесь это выражение звучит как предсказание, сделанное Вещим Олегом в момент основания Русской земли. «И иде Олегъ княжа въ Киеве и речь. Олегъ «Се буди м[а]ти градомъ руским». «И беша оу него, – продолжает летописец, – Варязи и Словени и прочи прозвашася Русью» [8, стб. 23].

Возникновение Руси рассматривается здесь как **слияние** в одну общину «варягов», «словен» и «прочих» (не названных участников похода и местных жителей), т. е. *синонимизм*, если пользоваться греческим термином. Перед нами акт рождения материнской общины – основы для «племени». Выражение «мать городов русских» давно уже признается калькой с греческого «метрополия». Традиционно его объясняют как объявление Киева столицей Руси. Так писал ещё М. В. Ломоносов [16, с. 61]. То же самое встречаем и в современных трудах. А. П. Новосельцев:

«Олег, захватив Киев, сделал его столицей («матерью городов русских»)» [17, с. 14]. Н. Ф. Котляр: «Русский Север был объединен с русским же Югом, а Киев провозглашен столицей уже Древнерусского государства – в уста Олега летописец вложил знаменательные слова: «Се буди мати градом русьским» [18, с. 48–49]. Д. С. Лихачев: «...Слова Олега имеют вполне точный смысл: Олег объявляет Киев столицей Руси...» [19, с. 409]. И. Н. Данилевский полагает, что Киев здесь называется не только столицей Руси, но и центром православного, богоспасаемого мира [20, с. 204]. Учитывая то, что древнерусское государство в это время только зарождается и состоит из трёх оторванных друг от друга анклавов, слова летописца следует понимать буквально [13, с. 99–117]. «Мать городов», как и греческое «metropolis» (от meter – мать и polis – город) – это значит *город-основатель*. Выражение «Киев – мать городов русских» свидетельствует, что летописец и его современники считали все русские города основанными Киевом, а в киевской городской общине видели материнскую общину. Речь идёт главным образом о стольных (главных) городах Руси. Далее схема воспроизводилась уже стольными городами.

Как создавались дочерние городские общины на Руси можно понять из рассказа летописца о строительстве Белгорода и сообщения, стоящего в «Повести временных лет» под 988 годом. Согласно летописи, Владимир «**наруби**», т. е. собрал, набрал людей в Белгород **из иных городов**. То же самое он делал при заселении безымянных городов, о постройке которых сообщается в статье 988 года: «и реч Володимеръ: се не добро еже малъ городъ около Киева. и нача ставити города по Десне. и по Востри. и по Трубешеву. и по Суле. и по Стугне. и поча **нарубати муже лучшиее**. от Словень и от Кривичъ. и от Чюди. и от Вятичъ. **и от сихъ насели грады**» [8, стб. 121]. Следовательно, Владимир соединял в одну общину представителей различных племён и родов (прежде всего, родовую аристократию, лучших мужей), т. е. искусственно делал то, что раньше само собой случилось в Киеве. Подобную картину рисует легенда об основании Ярославля: «Но егда же и построися град Ярославль, насельницы Медвежияго угла не приобщающеся граду, живяше особе и кланя-

шеся Волосу» [21, с. 140]. Многочисленные сведения о строительстве русскими князьями городов и крепостей, очевидно, подразумевают точно такую же схему их заселения. При этом источники свидетельствуют, что в новую городскую общину объединялись только пришлые, не местные роды, что собственно мы и видели в статье 988 года. Представленный в источниках способ заселения древнерусских городов – это *принудительный синойкизм*, подобный тому, что устраивали Селевкиды в своём царстве более чем за тысячу лет до этого [22, с. 138, 139].

Согласно археологическим данным о появлении дворово-уличной застройки, мостовых и дренажных систем, к началу XI века на Руси существовало всего пять настоящих городов со своими общинами. Следом за Киевом в начале X столетия городской характер приобретает Ладога, к середине X века – Новгород и в конце столетия – Полоцк и Чернигов. Но тогда это были ещё киевские пригороды, а не столицы земель.

Устройство Киевской Руси XII века хорошо видно по сообщению Лаврентьевской летописи, стоящего под 1176 годом: «Новгородци бо изначала и Смолняне и Кыяне [и Полочане] и вся власти яко ж на дому [думу] на вече сходятся на что же старейшии сдумают на томъ же пригороди стануть...» [8, стб. 377–378]. Как следует из летописи, узловыми точками древнерусской политической системы XII века были старейшие города (здесь упомянуты только Новгород, Смоленск, Киев и Полоцк), им подчинялись младшие города (пригороды). Для решения каких-либо вопросов горожане сходились на вече – собрание полноправных граждан города. Летописец считает это устройство традиционным для Руси, освященным седой стариной. Следовательно, Русская земля состояла из *автономных, т. е. самостоятельных городских областей* с самого начала. Центром каждой из областей был стольный город: Киев, Новгород, Полоцк, Смоленск, Ростов, Рязань, Чернигов и др. В их подчинении находились пригороды – младшие города. *Организованная по образу и подобию племени, Русская земля и вела себя как племя. Развиваясь, она дробилась – чем дальше, тем больше, – создавала все новые и новые города и волости, но при этом сохраняла свое «племенное» единство.*

В древней Руси можно обнаружить и следы братских (фратриальных) связей. Братскими общинами, по всей видимости, считали себя Галич, Переяславль Южный и Суздаль с Ростовом и Владимиром на Клязьме; Полоцк и Чернигов с Новгородом-Северским; Владимир Волынский и Смоленск. Эти земли были объединены постоянными политическими союзами, миграцией населения, семейными связями князей и многим другим. Данный вопрос в такой постановке ещё никогда не поднимался в русской историографии. Он требует дополнительного глубокого исследования. В настоящей статье мысль о существовании «фратриальных» союзов является лишь предположением, основанным на общем впечатлении, возникающим от знакомства с различного рода источниками: летописными рассказами о междоусобицах и браках князей, одинаковыми названиями городов (Галич, Звенигород, Перемышль в Галицкой земле и во Владимиро-Суздальской Руси; Дорогобуж на Волыни и в Смоленской земле и т. п.) и других данных.

Так называемая эпоха раздробленности не была периодом упадка. Это было время расцвета городов. Если в XI веке известно 20–25 поселений городского типа, то в середине XII-го их уже около 70, а к середине XIII – 150 городов [14, с.61.]. В XII–XIII веках вплоть до монгольского нашествия активно развивается экономика страны. В конце первой трети XII века резко расширился ассортимент ремесленной продукции, наступила широкая специализация внутри отдельных отраслей производства. Количество специальностей в некоторых городах перевалило за сотню. В текстильном производстве в конце XII века начинают использовать горизонтальный ткацкий станок, быстро развивается мелкотоварное производство. В середине XII века русские ремесленники переходят от производства на заказ к работе на рынок. Археологические раскопки убедительно свидетельствуют о бурном росте Киева. В XII веке продолжает расширяться территория города, строятся новые оборонительные укрепления (на Подоле и в Копыревом конце), изделия киевских ремесленников широко расходятся по всей Руси [14, с. 67, 243–244.]. «Золотой век» переживает в это время

и культура. Именно тогда создаются Дмитриевский собор во Владимире, церковь Покрова на Нерли, церковь Спаса на Нередице в Новгороде, церковь Параскевы Пятницы в Чернигове, «Слово Даниила Заточника», «Слово о погибели Русской земли», «Слово о полку Игореве» и другие шедевры древнерусской культуры.

Подведём итоги. Киевская Русь сложилась из материнской городской общины Киева (Русской земли, русской дружины), подчинённых ей дочерних общин киевских пригородов (младших городов), созданных киевлянами для поддержания своей власти над окрестными славянскими и неславянскими племенами и самих этих племён, плативших Киеву дань. Развитие ситуации заключалось в естественном обособлении от Киева связанных с ним городских центров, превращении их в старшие города (после того как у них появляются свои собственные пригороды) и росте их количества. Из-за чего и возникло впечатление первоначального единства и дальнейшего распада Руси. В действительности происходило постепенное усложнение политической структуры, сопровождавшееся общим развитием цивилизации. Это выражалось, прежде всего, в распространении городского образа жизни, что подтверждается данными социального и экономического характера, которые нам предоставляют летописи и другие письменные источники. Согласуются с ними и материалы археологических раскопок. Вдали друг от друга они жили самостоятельно и были фактически независимы от «матери городов», в то же время они прекрасно помнили о своём происхождении, ценили это и считались с этим. Раздробленность существовала как жизненный факт, но отсутствовала в сознании и правовых обычаях древнерусского общества. *В XII–XIII веках древнерусская цивилизация была объединена одним языком, культурой и социально-экономическим укладом, одним княжеским родом, единой церковной организацией и общим законодательством. Политическая система Древней Руси была построена на древнем племенном фундаменте и по её образцу. Не будучи племенем по существу, она развивалась как племя и воспринимала себя как единое племя.*

23.01.2012

Список литературы:

1. Карамзин, Н. М. История государства Российского: в 12 т. / Н. М. Карамзин. М.: Наука, 1991. Т.2. 832 с.
2. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций в трёх книгах / В. О. Ключевский. М.: Мысль, 1995. Кн.1. 572 с.
3. Платонов, С. Ф. Полный курс лекций по русской истории / С. Ф. Платонов. Петрозаводск: АО «Фолиум», 1996. 838 с.
4. Покровский, М. Н. Русская история: в 3 т. / М. Н. Покровский. СПб.: Полигон, 2002. Т.1. 346 с.
5. Лихачёв, Д. С. Великое наследие / Д. С. Лихачёв. М.: Современник, 1980. 412 с.
6. Мирзоев, В. Г. Былины и летописи. Памятники русской исторической мысли / В. Г. Мирзоев. М.: Мысль, 1978. 254 с.
7. «Слово о погибели Русской земли» // «Изборник»: Сборник произведений литературы Древней Руси. М.: Художественная литература, 1969. С.326 – 327.
8. ПСРЛ. Т.1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
9. ПСРЛ. Т.3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
10. ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
11. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Фридрих Энгельс. М.: Политиздат, 1985. 238 с.
12. История первобытного общества: эпоха первобытной родовой общины / отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1986. 572 с.
13. Поляков, А. Н. Киевская Русь как цивилизация / А. Н. Поляков. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2010. 484 с.
14. Древняя Русь. Город, замок, село / отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985. 431 с.
15. Фроянов, И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории / И. Я. Фроянов // Начала Русской истории / И. Я. Фроянов. М.: Издательский Дом «Парад», 2001. С.483 – 714.
16. Ломоносов, М. В. Древняя Российская история / М. В. Ломоносов. СПб.: Имп. Академия наук, 1766. 140 с.
17. Новосельцев, А. П. Образование древнерусского государства и первый его правитель / А. П. Новосельцев // В.И. 1991. №2/3 С.3 – 20.
18. Котляр, Н. Ф. Древнерусская государственность / Н. Ф. Котляр. СПб.: Алетея, 1998. 446 с.
19. «Повесть временных лет» / под ред. В. П. Адриановой-Перетц, 2-е изд. СПб.: Наука, 1996. 668 с.
20. Данилевский, И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов / И. Н. Данилевский. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
21. Дубов, И. В. Города, величием сияющие / И. В. Дубов. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 182 с.
22. Шофман, А. С. Распад империи Александра Македонского / А. С. Шофман. Казань: Изд. Казанского ун-та, 1984. 224 с.

Сведения об авторе:

Поляков Александр Николаевич, доцент кафедры истории России

Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 3405, тел.: (3532) 372572, e-mail: poliakovan@mail.ru

UDC 947

Polyakov A. N.

Orenburg State University, E-mail: ir@mail.osu.ru

ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL STRUCTURE OF KIEVAN RUS

The article deals with the problem of the administrative structure of Kievan Rus. Basing on written and archaeological sources the author offers his vision of its solution. The administrative structure of Rus is viewed through the prism of the development of civilization. The main idea is that Rusland was organized in forms usual for the population of Eastern Europe repeating the unit of tribe.

Key words: Kievan Rus, civilization, ancient Russian town, senior cities, environs, tribe, kin, phratry, forced si-noy kizm, urban community, maternal community.

Bibliography:

1. Karamzin, N.M. History of the Russian state: in 12 vs. / N. M. Karamzin. M.: Nauka, 1991. V.2. 832 p.
2. Klyuchevskii, V.O. Russian History. Full course of lectures in three books / V.O. Klyuchevskii. M.: Mysl, 1995. B.1. 572 p.
3. Platonov, S.F. Full course of lectures on Russian History / S.F. Platonov. Petrozavodsk: AO «Folium», 1996. 838 p.
4. Pokrovskii, M.N. Russian History: in 3 vs. / M.N. Pokrovskii. St. Petersburg: Poligon, 2002. V.1. 346 p.
5. Likhachev, D.S. Great Heritage / D.S. Likhachev. M.: Sovremennik, 1980. 412 p.
6. Mirzoev, V.G. Epics and Chronicles. Records of Russian Historical Thought / V.G. Mirzoev. M.: Mysl, 1978. 254 p.
7. «Word about the Death of Rusland» // «Isbornik»: Collection of Writings of Ancient Russian Literature. M.: Fiction, 1969. P. 326-327.
8. PSRL. V.1. Laurentian Chronicle. M.: Languages of Russian culture, 1997. 496 p.
9. PSRL. V.3. The First Novgorod Chronicle of Senior and Junior Isvods. M.: Languages of Russian culture, 2000. 720 p.
10. PSRL. V.2. Hypation Chronicle. M.: Languages of Russian culture, 1998. 648p.
11. Engels, F. Origin of Family, Private Ownership and State / F. Engels. M.: Politizdat, 1985. 238 p.
12. History of Primitive Society: Age of Primitive Tribal Community / ex. editor U.V. Bromlei. M.: Nauka, 1986. 572 p.
13. Polyakov, A. N. Kievan Rus as civilization / A. N. Polyakov. Orenburg: OSU, 2010. 484 p.
14. Ancient Rus. Town, Castle, Village / ex. editor B.A. Kolchin. M.: Nauka, 1985. 431 p.
15. Froyanov, I. Y. Kievan Rus: Essays of Social and Political History / I.Y. Froyanov // Origins of Russian History / I.Y. Froyanov. M.: Publishing House «Parad», 2001. P. 483-714.
16. Lomonosov, M.V. Ancient Russian History / M.V. Lomonosov. St. Petersburg: Imp. Academy of Science, 1766. 140 p.
17. Novoseltsev, A.P. Foundation of Ancient Russian state and First Leader / A.P. Novoseltsev // Questions of History. 1991. № 2/3. P. 3-20.
18. Kotlyar, N.F. Ancient Russian state ship / N.F. Kotlyar. St. Petersburg: Aleteja, 1998. 446 p.
19. «The Tale of Bygone Years» / ex. editor V.P. Andrianova – Perets. 2-nd edition. St. Petersburg: Nauka, 1996. 668 p.
20. Danilevskii, I.N. «The Tale of Bygone Years»: hermeneutic basis of sources of chronicles / I.N. Danilevskii. M.: Aspect-Press, 2004. 370 p.
21. Dubov, I.V. Majestic Cities / I.V. Dubov. L.: Publishing House of Leningrad University, 1985. 182 p.
22. Shofman, A.S. Downfall of Alexander Makedonskii Empire / A.S. Shofman. Kazan: Publishing House of Kazan University, 1984. 224 p.